

Глава 5

Ли Цзиньцю рубил с плеча, не заботясь о приличиях, но Чжун Ин даже бровью не повел.

Он молча принял эти условия и вновь перевел взгляд на Памелу. Тратить слова на Ли Цзиньцю юноша не видел смысла.

Высокомерных, безумных творцов словами не проймешь. Сейчас Чжун Ину нужно было лишь одно — гарантировать себе место в «Золотом перезвоне» и встретиться с Беллу.

«Золотой перезвон» по-прежнему открывало скрипичное вступление — партия сольного инструмента вступала чуть позже.

Скрестив руки на груди, Ли Цзиньцю с явной неохотой и нахмуренными бровями вслушивался в репетицию.

Стоило прозвучать первой ноте, как его взгляд намертво пригвоздил Чжун Ина. Ли Цзиньцю не терпелось увидеть, как этот заносчивый юнец собирается воспроизвести широкий диапазон гучжэна на гуцине.

Короткое вступление угасло, и над залом поплыл чистый, хрустальный перебор гуциня.

Чжун Ин сидел прямо на полу, но инструмент покоился у него на коленях так же уверенно и ровно, словно лежал на специальном столике. Он вел сольную партию гучжэна в «Золотом перезвоне», однако звучание разительно отличалось от привычного. Когда оркестр пошел на крещендо, обрушивая лавину звуков, юноша резко, с силой рванул струны, и над залом разнесся густой, архаичный гул, напомнивший удар древнего колокола.

Ли Цзиньцю оцепенел.

Эти ноты он не писал. Более того, гуцинь в его памяти никогда не звучал так глубоко.

И все же...

Это было чертовски красиво.

Каждый пассаж Чжун Ина идеально восполнял лакуны, оставшиеся после исключения сольного инструмента. Ли Цзиньцю не мог назвать это чистой импровизацией, но каждый сыгранный мотив пробуждал в нем непреодолимый исследовательский зуд. Музыканту до безумия хотелось узнать, какую краску юноша выберет для следующей модуляции.

Оркестр утихал, уступая место сольной каденции гуциня с его каскадом щипков, скольжений и тремоло. Посреди этой нежной, затаившей дыхание тишины Чжун Ин выткал новую мелодию.

Из глубокого безмолвия родился протяжный, гулкий тон, наполнивший зал сияющим, торжественным эхом. Звуковые волны расходились свободно и легко, обнажая самую суть музыкального замысла.

То был колокольный звон. Великий благовест колокола, убранного золотыми розами, в который величаво ударили брусом из тысячелетней павловнии, пробуждая к жизни увядшее дерево и заставляя расцвести сухие ветви.

Виртуозная сольная каденция приковала к исполнителю потрясенные взгляды всего оркестра. Больше всего на свете Ли Цзиньцю ненавидел своеволие музыкантов, пытающихся выделиться на фоне строго выверенной партитуры. Однако гуцинь Чжун Ина, то и дело выходя за рамки написанных нот, сливался с общим звучанием безупречно. В игре не ощущалось и капли несыгранности — казалось, этот инструмент всегда был неотъемлемой частью оркестра.

Инструмент пел, как гуцинь, но это был совершенно иной, незнакомый им голос. Музыканты, досконально знавшие партитуру, с замиранием сердца ждали катастрофы: «Все, отыгрался, сейчас его вышвырнут!» Однако композитор, обладавший безраздельной властью казнить и миловать, застыл, не сводя глаз с Чжун Ина, и на его лице не было ни тени гнева.

Густой, золотой благовест стер из памяти Ли Цзиньцю прежние предубеждения — все эти скрежещающие скольжения струн, напоминающие пилку дров, и невнятное треньканье. Гуцинь предстал перед ним во всем своем первозданном, благородном величии.

Ли Цзиньцю услышал, как в унисон с этим инструментом зазвучала его собственная душа.

В это мгновение знакомая до последней ноты и в то же время совершенно чужая музыка, подчиняясь ритму Чжун Ина, соткала невероятно притягательное, романтическое полотно.

Его осенило.

Ли Цзиньцю наконец понял, как исправить кусок, над которым бился столько дней. Раньше он пытался замаскировать композиционную брешь резким ускорением темпа, теперь же перед ним открылось идеальное решение: вплести плавное лирическое интермеццо, которое подчеркнет мягкость медленной части в си-бемоль мажоре!

Концерт завершился мощной, берущей за душу сольной каденцией. Памела первой восторженно захлопала в ладоши.

— Господин Чжун, это было невероятно! — громко спросила она. — То, что вы сыграли на гуцине — вы подготовили эту партию заранее или это была импровизация?

Не успел Чжун Ин ответить, как стоявший под сценой Ли Цзиньцю резко развернулся и зашагал прочь. Он не проронил ни слова и даже не взглянул в сторону юноши, устремившись прямым к выходу из зала.

— Цю? — позвала Памела.

Но композитор словно оглох. Чем громче она его окликала, тем стремительнее он ускорял шаг, словно звонкий голос Памелы был преследующим его монстром, способным сожрать едва уловимую мысль.

В следующее мгновение Ли Цзиньцю скрылся за дверями Зала Роз.

Чжун Ин проводил его взглядом и спокойно спросил:

— Господин Ли рассердился?

— С чего бы ему сердиться? — Памела явно была в восторге. Она знала крутой нрав Ли Цзиньцю как свои пять пальцев. — Ты выиграл и остаешься, он признал поражение и ушел — все честно! Не обращай внимания, твоя игра его заворожила. Наверняка побежал прятаться, чтобы набросать новую партитуру.

У каждого композитора есть свои причуды. Сам Ли Цзиньцю, впрочем, назвал бы это не причудой, а врожденным изъясном. Он никогда не считал себя баловнем судьбы и обладал отвратительной памятью. Если он не успевал схватить за хвост мимолетное вдохновение, оно ускользало безвозвратно.

В кабинете по соседству с Залом Роз он лихорадочно выставил на стол стопку нотной бумаги и схватил ручку.

В тишине раздался частый, торопливый скрежет пера.

Звучавшие в голове аккорды один за другим ложились на бумагу размашистыми, небрежными знаками.

Ноты, лиги, паузы — Ли Цзиньцю без усталости выводил знаки, перекраивая светлый си-бемоль мажорный концерт. Время для него остановилось, и он не заметил, как за окнами сгустились глубокие сумерки.

Лишь глубокой ночью колоссальный труд был завершен.

Он уставился на обновленную партитуру «Золотого перезвона», чувствуя, как от возбуждения кружится голова.

Постепенно чувства, бывшие на пределе концентрации, возвращались в норму. Ли Цзиньцю ощутил спазмы в голодном желудке и ноющую тяжесть в затекших мышцах. Впрочем, все это не имело значения. Главное — небрежные росчерки пера на бумаге навечно запечатали то сияющее эхо, что пело в его душе. И это было его единственной и лучшей наградой.

Немного переведя дух, он достал телефон и набрал знакомый номер.

— Доменико, я полностью переделал «Золотой перезвон»! — выпалил он в трубку. — Ты должен сию же минуту сесть за инструмент и послушать, что получилось!

В трубке раздался сонный, полный страдания голос:

— Господи всемогущий... Цю, ты хоть представляешь, который час?

Ли Цзиньцю огляделся. За окном высилась глухая, безмолвная темень, в комнате горел лишь теплый свет настольной лампы.

— Кажется, ночь, — неопределенно ответил он.

— Три часа утра, гений ты недоделанный! — донесся из трубки яростный вопль.

Разъяренный Доменико окончательно распрощался со сном.

Пианист швырнул трубку, мечтая снова провалиться в сон, но слова «новая музыка», словно навязчивое заклятие, продолжали крутиться в голове, безжалостно выметая остатки дремоты.

Поворочавшись с боку на бок еще минут десять, Доменико обреченно вздохнул, сел в постели и набрал номер безумца.

— Черт с тобой, тащи свои каракули сюда!

На том конце провода ничуть не удивились.

— Ага, я уже в пути, — отозвался Ли Цзиньцю. — Да, кстати, я чертовски проголодался. Попроси на кухне сделать голубцы с капустой и пасту с морепродуктами. И пусть соуса томатного не жалеют.

Доменико застыл с трубкой у уха.

Этот наглец еще и заказы принимает!

Пока на кухне спешно соображали поздний ужин для незваного гостя, Доменико, прищутив сонные глаза, пытался разобрать дьявольские каракули на нотных листах.

— Памела говорила, ты сбежал с репетиции еще в разгаре дня, — пробормотал он. — Значит, заперся и писал?

— Ну а как иначе? — Ли Цзиньцю вел себя с непосредственностью истинного гения. — Садись и играй, Доми. Я должен услышать это прямо сейчас.

— Цю, клянусь, ты самый взбалмошный упрямец на всем белом свете, — вздохнул пианист.

Прославленный пианист Доменико, кутаясь в шелковый халат, водрузил небрежно исписанные листы на пюпитр концертного рояля в гостиной. Мало того что ему пришлось обеспечивать этого сумасшедшего ночным ужином, так теперь еще предстояло расшифровывать безумный хаос его пометок. Спасало лишь то, что Доменико за долгие годы успел изучить почерк друга досконально.

Стоило пальцам коснуться клавиш, как по гостиной разлилась чарующая, полноводная мелодия, ставшая изысканным аккомпанементом к ночной трапезе Ли Цзиньцю.

— Невероятно... — шептал Доменико, упиваясь каждым тактом. — Клянусь, пиши ты хоть немного аккуратнее, пианисты всего мира дрались бы за право исполнять твои вещи.

— Какая глупость. Кому надо — тот разберет, — хмыкнул Ли Цзиньцю, оставаясь верным себе.

Пальцы Доменико стремительно летели по клавишам. От неожиданного, мощного пассажа у него перехватило дыхание.

— Это просто потрясающе... — выдохнул он. — Откуда такой поворот?

— Говорю же, это обновленный «Золотой перезвон», — лениво отозвался Ли Цзиньцю, не отрываясь от тарелки. — Я переписал сольную партию Чжун Ина, добавил гуциню мягкости и полетности. Естественно, оркестровые голоса тоже пришлось перестроить.

— Постой... Мы же весь день до седьмого пота репетировали старый вариант, а ты за одну ночь все перевернул вверх дном? — Доменико потрясенно уставился на него. — Цю, у тебя точно с головой не все в порядке.

— Со мной все в порядке, — упрямо буркнул композитор. — Просто я услышал музыку, которой никогда раньше не существовало. Душа буквально взбунтовалась: она требовала выкинуть прежний хлам и записать гармонию, достойную ангельских хоров.

Если бы только Доменико понимал по-китайски, Ли Цзиньцю непременно процитировал бы ему бессмертную классику: «Подобная музыка звучит лишь в чертогах небесных, смертным дано услышать ее лишь раз».

— Небывалая музыка... — задумчиво повторил Доменико, убирая руки с клавиш. Он пристально посмотрел на друга. — Послушай, Цю. Ты пытаешься сказать, что этот юноша, Чжун Ин, совершенно тебя заворожил?

Ли Цзиньцю недовольно нахмурил брови:

— Ничего подобного. Так... зацепил немного.

«Немного», как же.

Доменико тихоконько рассмеялся и снова принялся лениво перебирать клавиши, наигрывая фрагменты свежей партитуры.

Если ради скромного «зацепил» Ли Цзиньцю переписал с нуля целое произведение, то страшно было даже представить, на какое безумие он способен, когда увлечется настоящим.

— Да ладно тебе, не смущайся, — беззлобно поддел его пианист. — Чжун Ин — единственный преемник великого Фань Чэньюня. Растопить лед в сердце такого закоренелого сухаря, как ты, да еще в восемнадцать лет — это невероятный талант. Парня ждет блестящее будущее. Глядишь, еще сам будешь бегать за ним и умолять исполнить твои новые сочинения.

— Он ученик мастера Фаня? — Ли Цзиньцю невольно выказал почтение. Старые авторитеты традиционной музыки были для него непререкаемы. — Но что он делает в Италии совсем один?

Опустив лишние подробности, Доменико туманно пояснил:

— Хочет снискать признание господина Беллу. Сам понимаешь, у любого иностранного музыканта, мечтающего о славе под небом Италии, дорога лежит через его дом.

— Вот как... — отозвался Ли Цзиньцю.

В душе шевельнулось мимолетное разочарование. Ему показалось, что такой глубокий исполнитель опустился до банальной погони за признанием, хотя умом он понимал — это вполне естественное желание.

Ли Цзиньцю на секунду показалось, будто он уже сталкивался с именем Чжун Ина раньше — возможно, слышал какие-то разговоры или краем уха уловил сплетни. Но мысль ускользнула.

Впрочем, какое это имело значение?

Утром оркестранты, собравшиеся в Зале Роз на репетицию, получили свежие партитуры. Каждая страница была до боли похожа на вчерашний материал и в то же время неузнаваемо изменилась.

Чжун Ину тоже протянули новые листы.

Ровный, аккуратный шрифт обновленной партитуры «Золотого перезвона» вернул сольному инструменту подобающее величие. Новые пассажи идеально соответствовали технике игры на гуцине — от неуклюжих попыток подражать гучжэну не осталось и следа.

С интересом листая ноты, Чжун Ин поднял взгляд на композитора:

— Господин Ли, надо понимать, я официально принят в состав исполнителей «Золотого перезвона»?

— Принят? — фыркнул Ли Цзиньцю, мгновенно позабыв о вчерашних пререканиях и горделивых обещаниях. — Да ты теперь стержень всего произведения, заменить тебя просто нечем. Если бы этот зануда Доменико меня не остановил, я бы вообще переписал все под чистое соло гуциня, чтобы оркестровый шум не мешал твоему исполнению.

Стоявшие на сцене оркестранты ошеломленно переглянулись.

Это что же получается? За одну-единственную ночь сумасшедший маэстро превратил весь оркестр в досадную помеху?!

— Кхм-кхм, — Доменико деликатно кашлянул, спасая положение. Хоть на лице пианиста и читалась смертельная усталость, взгляд его лучился торжеством. — «Золотой перезвон» — это монументальный концерт, здесь важен каждый голос. Но, друзья мои... Спасибо за вчерашнее усердие, однако сегодня нам придется начать все с чистого листа.

Чжун Ин без лишних споров занял место солиста. Столик, где прежде должен был покоиться яркий гучжэн, теперь украшал темный, благородно-простой семиструнный гуцинь, придававший сцене совершенно иную, строгую восточную эстетику.

В обновленной партитуре голос гуциня зазвучал по-настоящему безупречно.

Густой, глубокий и сдержанный рокот гуциня не терялся в лавине оркестрового звучания. Напротив, он мягко прошивал ткань партитуры, сплетаясь с европейскими инструментами в единое, нерасторжимое целое.

Доменико слушал и чувствовал, что обновленный «Золотой перезвон» окончательно покори́л его сердце.

Светлое, щемящее очарование дышало в каждом пассаже. Но когда Чжун Ин с силой защипывал струны, зал наполнялся чистым, гулким звоном, подобным ударам колокола-исполи́на, знаменующего начало новой эры.

Сколько бы Доменико ни вслушивался в репетиции, он раз за разом ловил себя на мысли: эта музыка — истинное откровение, способное перевернуть сознание любого художника.

Когда репетиция подошла к концу, Доменико подошел к Чжун Ину и дружески похлопал его по плечу.

— Если господин Беллу услышит эту версию «Золотого перезвона», он будет сражен наповал, — искренне произнес пианист. — Поверь мне, после такого он выполнит любую твою просьбу.

Чжун Ин выслушал похвалу со скромным достоинством, оставшись внешне безучастным.

— Господин Доменико, если бы мне удалось сыграть партию на десятиструнном гуцине, «Золотой перезвон» обрел бы истинное совершенство, — спокойно проговорил он. — Думаю, господин Беллу высоко оценил бы вашу чуткость к традициям.

Услышав незнакомое название, Ли Цзиньцю тут же с любопытством обернулся:

— Десятиструнный гуцинь? И что это за зверь?

Доменико едва не лишился чувств от испуга. Позволь он Чжун Ину сболтнуть лишнего об уникальном инструменте, и безумный Ли Цзиньцю костями ляжет, но заставит его пойти на обман, кражу или шантаж, лишь бы раздобыть раритет ради идеального звучания своего шедевра.

— Ха-ха, дорогой мой, давай мы обсудим это с глазу на глаз, — поспешно перебил его пианист, натянуто улыбаясь.

Доменико умел вовремя ставить границы.

Он потащил Чжун Ина в соседнюю рабочую комнату и затворил дверь прямо перед носом озадаченного Ли Цзиньцю. Доменико бесконечно ценил талант молодого исполнителя, но у него были незыблемые жизненные принципы, преступать которые он не собирался ни при каких обстоятельствах.

— Я прекрасно понимаю, к чему ты клонишь, — вполголоса заговорил Доменико, едва они

остались одни. — Но послушай меня, мальчик, не надо плести за моей спиной интриги. Вы с твоим наставником надеетесь использовать меня как таран, чтобы заставить несчастного старика Беллу отдать гуцинь, который он якобы присвоил. Побойся бога, ему девяносто шесть лет! Он прикован к инвалидному креслу, и все его радости на закате дней — погреться на солнышке в саду да изредка выбраться в театр на концерт.

— Но зачем тогда ему понадобилось утаивать этот гуцинь? — твердо спросил Чжун Ин.

— Я понятия не имею, зачем он его хранит, но факт остается фактом. Поверьте, господин Доменико, ни я, ни мой учитель не пытаемся вас обмануть. Инструмент, который Беллу вернул нашей семье — подделка. Подлинник все еще находится у него.

— Послушай, если этот гуцинь так важен, почему твой наставник не приехал сам? — с досадой воскликнул Доменико. — Если бы мастер Фань явился лично и попросил старика, клянусь, Беллу отдал бы ему хоть первый в мире рояль Кристофори, если бы тот у него хранился!

— Вы просто ставите меня в невыносимое положение! — сердито бросил пианист.

Чжун Ин прекрасно понимал мотивы его гнева. Доменико, при всей своей мировой славе, во многом зависел от покровительства и связей семейства Беллу. Пойти против воли своего благодетеля ради чужого каприза он не мог.

К несчастью, мастер Фань больше не имел возможности приехать в Италию.

— Беллу неусыпно следит за каждым шагом моего наставника, — тихо и с явной неохотой принялся объяснять Чжун Ин. — Если учитель вновь ступит на землю Италии, это станет для старика сигналом: обман раскрыт. Он тут же перепрячет подлинник в такое место, откуда мы его никогда не достанем.

Доменико покачал головой — все эти конспирологические тайны казались ему дешевым детективом. И ради чего? Ради старой деревянной доски со струнами!

— Не нужно делать из старика Беллу злого гения, — вздохнул он. — Он просто глубоко больной, дряхлый человек.

Глядя на Чжуна Ина, пианист почувствовал острую досаду. Тратить столь редкий, драгоценный талант на одержимость мертвой вещью казалось ему непростительным кощунством. Он мягко, но настойчиво продолжил:

— Мальчик мой, по большому счету, все инструменты одинаковы. Тебе нужно научиться смотреть шире, отпустить эти материальные привязанности и постичь саму суть музыки. Наше ремесло — это великое, вечное искусство, которое выше любых земных форм. Каким бы ценным ни был инструмент, он остается всего лишь средством извлечения звука, послушным

орудием в руках мастера.

В кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина.

Чжун Ин поднял взгляд, и его темные глаза вспыхнули лихорадочным, чистым блеском.

Перед ним стоял итальянец. Человек, блестяще владевший роялем, досконально знавший европейскую классическую школу и искренне симпатизировавший восточной экзотике. Но этот человек никогда — никогда в жизни — не сможет постичь сакральный смысл десятиструнного гуциня. Его сознание, вскормленное западной культурой, пыталось мерить мерками практичности и материализма непостижимую глубину древнего Востока.

— Господин Доменико, — тихо, но с железной уверенностью в голосе произнес Чжун Ин. — Первый в мире фортепианный механизм был создан в тысяча семьсот девятом году здесь, на нашей земле, во Флоренции. Но к тысяча семьсот девятому году тот десятиструнный гуцинь, сработанный великими мастерами эпохи Тан, уже прожил целую тысячу лет. Он созерцал рождение и гибель могущественных империй, пел во славу династий и оплакивал их крах, покуда не обрел собственный, живой дух.

Я полностью согласен с вами: музыка — это вечное искусство, — Чжун Ин смотрел прямо в глаза собеседнику. — Но когда инструмент проносит сквозь тысячелетие чаяния и надежды сотен поколений, когда за право сберечь его люди без колебаний отдавали свои жизни... он перестает быть просто орудием труда в руках музыканта.

Он сам становится этим искусством.

<http://bllate.org/book/20108/1998698>